

Извините! Страничка заполняется.....

Протоиерей Сергей БУЛГАКОВ

ВЕРОУЧЕНИЕ

Православная Церковь имеет лишь ограниченное число догматических определений, которые являются общеобязательным исповеданием для каждого ее члена. Строго говоря, этот минимум ограничивается никео-константинопольским символом (Символ веры), который и читается при крещении и на литургии, и постановлениями семи вселенских соборов. Это не означает, чтобы ими исчерпывалось все вероучение, которое жизненно содержится Церковью, но все это остальное вероучение не получило для себя обязательного догматического формулирования, оно содержится лишь в богословском учении, хотя и касается предметов чрезвычайной важности (как, напр., почитание Богоматери, святых, учение о таинствах, о спасении, эсхатология и т.д.). Таков вообще стиль православия, которое удовлетворяется насущным минимумом обязательных догматов, в отличие от католичества, стремящегося формулировать в канонах весь догматический инвентарь Церкви. Разумеется, для православия не исключена возможность и новых общеобязательных догматических формул, принимаемых на новых вселенских соборах, однако, строго говоря, существующий минимум достаточен и по существу, чтобы быть незыблемым фундаментом, на котором может развиваться вероучение и без каких-либо новых формулировок, раскрываясь в соборности церковной и отлагаясь в богословском учении Церкви (Theologumena). Преобладание Theologumena над догматами есть особое преимущество православной Церкви, которой чужд дух законничества и в догматах. Жизненного практического ущерба, даже при наличии многообразия богословских мнений, это для православия не составляло и не составляет.

Есть один основной христианский догмат, который является общим и для всего христианского мира, - исповеданный ап. Петром от лица всего апостольского лика, а в нем и от лица Церкви: "Ты еси Христос, Сын Бога Живого". Это же было предметом апостольской проповеди от дня Пятидесятницы. Иисус Христос есть предвечное Слово, Сын Божий, принявший человеческое естество, нераздельно и неслиянно, истинный Бог и истинный человек, пришедший в мир для спасения человека, принявший вольные страдания и крестную смерть, воскресший, вознесшийся на небеса и сидящий одесную Отца и снова грядущий в мир для последнего суда и вечного своего царства. В этой вере православие не расходится ни с католичеством, ни с англиканством (по крайней мере, с англокатоликами), ни с ортодоксальным протестантизмом. При этом, христологический догмат понимается во всей силе реализма, который дан ему в эпоху вселенских соборов. Это выражение его, в своем роде, является законченным и совершенным для всех времен. Разумеется, мы воспринимаем его теперь философскими и богословскими средствами нашего времени. Здесь нет архаизирования, как нет и модернизма (в дурном смысле). При

этом, догмат не боится рационалистических реактивов, которым подвергает его либеральный протестантизм. Христологический догмат для православия и в наши дни является столь же современным, как и в эпоху вселенских соборов. Для православия представляется слепотой и ограниченностью современный рационализм, который из полноты веры во Христа вылушивает subtilности веры во Иисуса, как явившего собою богосыновство, хотя и человека, но сына Божия. Этот "иезуанизм", в качестве христианства, является не только духовной безвкусицей, но и богословской ограниченностью. Идея жертвенной любви Бога к Своему падшему творению, доходящей до воплощения и крестной смерти, а с другой стороны, идея богочеловечества, как положительного соотношения между Богом, сотворившим человека по образу Своему, и человеком, возведенным чрез боговоплощение в состояние обожения, - они суть высшие самоочевидности для религиозной философии, и они раскрываются, как таковые, с особенной любовью в новейшем русском богословствовании. Во всяком случае, протестантский предрассудок о том, что православная христология есть "острое эллинизирование христианства" или что православие есть "петрификация древности", является богословской наивностью и порождается рационалистической надменностью и ограниченностью. Православие совершенно в своем богословии отнюдь не меньше, но больше, чем "религиозно-исторический иезуанизм".

И вера во Христа, как Сына Божия, для православия есть не христологическая доктрина, но сама жизнь, она проникает все его сверху донизу, каждый повергается к ногам Спасителя с радостным воплем веры: "Господь мой и Бог мой", присутствует при Его Рождестве, страждет Его крестной мукой, совоскресает с Ним в воскресении, трепещет Его славного пришествия. Без этой веры просто нет христианства. И поистине, новейшие христиане без Христа (иезуанисты), стремясь сделать религию научной, достигли одного: они лишили христианство его духа и огня и сделали его скучным и посредственным. Христианство есть вера во Христа, Сына Божия, Господа нашего, Спасителя и Искупителя, это есть "победа, победившая мир, сия есть вера наша" (I Ио. 5, 4-5).

Но вера во Христа, как Сына Божия, есть вместе с тем и вера во Св. Троицу, во имя которой, по заповеди Христовой (Мф. 28, 19), и совершается крещение. Она уже включается в веру в Сына, посылаемого Отцом и посылающего Духа Святого. Христианство есть религия Св. Троицы - настолько, что даже одностороннее сосредоточение богочтения только на Христе является уже практическим отклонением в сторону иезуанизма. Заслуживает внимания, что и в литургической жизни православия, в возглашениях, доксологиях, молитвенных обращениях решительно преобладает Имя всей Пресв. Троицы перед Именем Иисусовым в отдельности, - чем свидетельствуется, что ведение Христа нераздельно связано в ведением Св. Троицы. Бог есть Дух, имеющий триединое сознание при единстве жизни и существа, и в этом триединстве соединяется самобытность и раздельность трех божественных ипостасей с единством божественного самосознания. Бог есть Любовь. Как таковой, Он не есть моноипостасный субъект, для которого единственность, обрекающая его на всепожирающий эгоизм, есть и ограниченность. Бог есть самоотвергающаяся Любовь Трех, которая имеет такую полноту взаимности, что соединяет трех в одной жизни. Тем преодолевается ограниченность моноипостасности и раскрывается полнота жизни абсолютного самодовлеющего духа. Догмат Св. Троицы является в православии также общим со всем христианским

миром, как католичеством, так и протестантизмом, кроме тех его течений, которые отвергают троичность во имя унитаризма, воспроизводя савелианство или модализм или сближаясь с иудаизмом и исламом (тем и обличая себя как религиозную реакцию). Догмат Св. Троицы исповедуется православием также в таком виде, как он был выражен в эпоху вселенских соборов и закрепился в символе веры. Но и это не делает его в какой-либо мере архаическим, потому что он и для современного религиозно-философского сознания является высшей истиной умознания. То, что он является неместимым для рационализма, который подходит к постижению вещей божественных с рассудочными категориями неподвижного единства или множества, совершенно не делает его чуждым богословствующему разуму. Мы в своем собственном самосознании находим такие ослепительные знаки триипостасного триединства (я-ты-мы), что догмат этот является и необходимостью для мысли и исходной темой для метафизических построений. Догмат Св. Троицы есть не только вероучительная формула, но живой и непрестанно развивающийся христианский опыт, факт жизни христианина. Ибо жизнь во Христе соединяет со Св. Троицей, дает ведение любви Отчей и даров Духа Св. Нет христианской жизни вне познания Св. Троицы (о чем свидетельствует изобильно вся христианская письменность). И унитаризм уже не есть христианство, не может быть им, и с ним для православия не может быть никаких точек соприкосновения. Фактически, новейшее арианство, иезуанизм и унитаризм между собой оказываются связаны и одинаково остаются вне церковного христианства. Исповедание веры в Св. Троицу есть общее достояние как неразделенной Церкви, так и после ее разделения. Отличие между восточной и западной церковью, постепенно утвердившееся с V-го века, состоит, как известно, в учении об исхождении Св. Духа. Согласно православному учению, Отец, как первоначало (*ἀρχή, αἴτια*), предвечно рождает Сына и изводит Св. Духа, это есть божественное единоначалие во Св. Троице. При этом возникает вопрос о взаимоотношении Второй и Третьей ипостаси. Согласно отеческой письменности, Дух Св. исходит чрез (*διὰ*) Сына и на Нем почивает, в этом и выражается их связь по происхождению. На западе это соотношение, которое вообще не было выяснено до конца в Церкви, стало пониматься как соучастие Сына в самом изведении Св. Духа, с нарушением принципа монархии и рассечением Св. Троицы на две двоицы (Отец - Сын, Отец и Сын - Св. Дух). Отсюда возник богословский спор о *filioque*, который из различия богословских мнений превратился в догматическое разногласие, после того как западный *theologumenon*, сам по себе являющийся порождением прежде всего богословской неточности, был превращен в нерушимый догмат чрез *infallibilemagisterium* папы. Как показал опыт Боннской конференции православных со старокатоликами, здесь возможно искать почву для взаимного богословского понимания, и разделяющим здесь является, в первую очередь, папство со своим притязанием на непогрешимость и упорством в местных односторонностях или заблуждениях, принимаемых за саму истину более, нежели самое учение.

Бог есть Творец мира, создавший его из ничего. Бог всеблаженный не ищет в нем для себя восполнения, но по благодати Своей Он хочет сделать причастным к бытию и не-бытию и в нем отразить образ Свой. Сотворение мира из ничего есть дело любви, всемогущества и мудрости Божией. Сотворение мира совершается Св. Троицей, Отцом, глаголющим Слово в Духе Св. Это образно выражено в повествовании I гл. Бытия: Бог (Отец) говорит (Словом Своим): да будет, и вся бысть добро зело (Дух Св. животворящий и совершительный). Св. Троица непосредственно

обращена к миру Словом, им же вся быша (Ио. 1, 3), Сын есть миротворящая, космоургическая ипостась, Словом сказующая идеальное бытие мира, но и Дух Святой совершает, животворит, дает миру реальность. Образы мира имеют предвечное основание (*παραδείγματα*) в Боге, и эти предвечные семена бытия, погружаемые в небытие, произращивают мир духовный, ангельский ("небо") и мир земной ("землю"). Духовный организм этих предвечных первообразов бытия составляет единое первоначало мира в Боге, ту божественную премудрость, которую "Господь имел началом пути Своего прежде созданий Своих искони" (Притчи, 8, 22), которая "была пред Ним художницей и радостью Его всякий день, веселясь пред лицом Его во все времена" (8, 30-31. Ср. Книги Премудр. Сол. и Прем. Иисуса с. Сираха). Этот божественный первообраз творения имеет вершину и средоточие в человеке; "радость моя, говорит Премудрость (8, 31) - с сынами человеческими". Человек есть цель и вершина творения, он есть микрокосм, мир стяженный, и весь шестоднев может быть понимаем как постепенное сотворение человека, который создается в последний день, чтобы стать господином творения. Ангельский мир находится в служебном отношении к этому миру, возглавляемому человеком, несмотря на свою иерархическую высоту, проистекающую из близости к престолу Божию.

Человек сотворен по образу Божию. Это есть божественная и нерушимая основа человеческого существа, силою которой человек имеет назначение стать "богом по благодати", сыном и другом Божиим. Этот образ раскрывается и из его духовного лика и из его отношения к миру чрез посредство своего тела. Человек имеет духовное богоподобие не только как разумно-нравственное существо, одаренное познанием истины, волей к добру и ведением красоты, но прежде всего как ипостасный дух. В своем личном самосознании он имеет образ божественной ипостаси, а в родовом существе своем он имеет и образ ипостасного триединства, осознает себя не только как я, но и как ты, и мы. В мужеском и женском естестве своем человек содержит двоякий образ духовного бытия, с приматом разума и с приматом красоты и любви, в соответствии лику Второй и Третьей ипостаси. Чрез обладание телом человек является не только гражданином, но и господином этого мира, в нем совершается Премудрость Божия, явленная в творении. Этот образ Божий, явленный в человеке, есть основание его сотворения и предназначение его, но оно должно быть им самим в себе осуществлено свободно, и это есть подобие Божие. Мир и человек вышли из рук Творца непорочными и совершенными, однако это была лишь мера тварного совершенства, которое должно быть утверждено собственным свободным подвигом человека в исполнении воли Божией и в осуществлении своего собственного совершенства. Первозданный человек находился в состоянии непорочности и проистекающей отсюда близости к Богу, с возможностью прямого богообщения, но он должен был сам самоопределиться и утвердиться в Боге, а тем самым упрочить свое телесное бытие, возведя его к бессмертию. С человеком же связаны были и состояние и судьбы мира, которого он явился средоточием. Он получил от Бога все, что Бог мог дать ему всемогуществом Своим, но он не мог и не должен был получить от Бога то, что он сам призван был осуществить своею тварною свободой, в известном смысле, сам сотворить самого себя. Это самосотворение в свободе символически выражено в заповеди о невкушении от древа познания добра и зла. Человек пал, совершив непослушание, и отягчил себя так называемым первородным грехом. Он допустил в себе преобладание себялюбивой тварной стихии, от Бога обратившись к миру, и тем

дал силу небытию, из которого он был создан. Он стал плотским, а потому и смертным. Во всей жизни его проступила тварная его ограниченность, которая вела далее и к прямому злу и заблуждению, и в познании, и в воле, и в творчестве. Человек остался в мире одинок, ибо прямое богообщение прервалось с изгнанием его из рая. Он должен был искать Бога, который сам приходил беседовать с ним до грехопадения. В чем отразилось влияние этого первородного, метафизического греха на человеческой природе? Первородный грех означает общее повреждение человеческого естества, отклонившегося от своей собственной нормы. Оно имеет первым последствием утрату того благодатного состояния, которое было свойственно человеку в силу присущего ему образа Божия и основанного на нем богообщения, а также и общего повреждения человеческой природы, которая, отделившись от жизни в Боге, приняла смерть и стала смертной. Плотское естество человека утратило свою послушность душе и, наоборот, получило над нею недолжное возобладание, человеком овладела похоть. В духовной жизни поднялось себялюбие, зависть и гордость, - действительное познание добра и зла, т.е. непрестанной борьбы мрака и света. Чрез это ограничилась и свобода человека: он стал невольником естества, пленником плоти и рабом страстей. И тем не менее все эти извращения и ущербления истинной человечности человека были не таковы, чтобы ее совершенно парализовать и обессилить человеческую свободу. Человек остался человеком, свободно-духовным существом, которое духовным подвигом, вспомоществуемым нарочитою помощью Божией, способно восходить к своей изначальной норме. В жизни человека обозначился этот путь благодатного восхождения, которое имеет вершиною своею Деву Марию, явившую собою предельную человеческую святость и собою засвидетельствовавшую, что человечество и в состоянии первородного греха сохранило истинную свою человечность, способную и достойную приятия Божества, боговоплощения.

Человек, созданный по образу Божию, чрез осуществление в себе богоподобия, предназначенный к обожению, отклонился от этого пути. Но сам Бог, давший образ Свой, сделался человеком, родившись от Духа Св. и Девы Марии, миновав плотское зачатие во грехе, и чрез то соединил в Своей ипостаси божеское и человеческое естество. Он стал человеком Иисусом, имеющим Свою индивидуальность, но в человеческом естестве Он принял всю человечность, будучи новым Адамом, всечеловеком, и все дела Его имеют всечеловеческое значение. В Своем земном пути, вместе с Божественным могуществом чудотворца и божественной мудростью пророка Он явил истинного и совершенного Человека, до конца, до крестной смерти послушного воле Божией, сделавшего Свою человеческую волю с нею согласной, и тем возвел Свою человечность к высшему достоинству бессмертия и духовности. В Своих страданиях духовных (Гефсимания) и телесных (крестная смерть) Он понес на Себе всю тяжесть человеческого греха и богоотверженности, принес Богу правды жертву умилоствления, искупил наш грех и примирил нас с Богом. Поэтому, взирая на Голгофский крест, мы, доселе чада тела, являемся уже чадами Божиими. Возведя человеческую природу к ее первоначальному естеству, Он соединил ее - нераздельно и неслиянно - с божеской и чрез то обожил его, вследствие чего божеское естество облекло человеческое, (*περιχώρησις*), не уничтожая его, как огонь накаляет железо, и тем даровал человеку спасение, вечную жизнь в Боге, уже здесь, среди скорбей, и в будущем веке, в жизни воскресения, ибо, воскреснув сам, Он воскресит с Собою во плоти все человечество.

Итак спасение всеобщее есть обожение человеческого естества; спасение личное есть усвоение этого дара личным подвигом, ибо обожение не есть физическое или магическое действие над человеком, но внутреннее благодатное действие в человеке, которое совершается при участии человеческой свободы, не помимо самого человека. Это есть жизнь во Христе, совершаемая Духом Св. Здесь человеческое усилие таинственно сочетается с Божественным даром богосыновства, силою обожения. Усилие это должно взять всего человека, а не одну лишь его сторону: оно выражается в подвиге веры, удостоверяющей для человека его искупление кровию Христовой и примирение с Богом, и делами, жизнью, которая есть естественный плод веры, а вместе и путь, жизнь веры: "вера без дел мертва есть". Вера и дела есть участие самого человека в своем обожении силою Христовой, это есть осуществление подобия Божия силою восстановленного в человеке образа Божия, который есть Христос. И степень осуществления этого подобия остается различна: "ина слава солнцу, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе" (1 Кор. 15, 41). Личное спасение есть духовное рождение самого себя своею свободой для вечной жизни чрез усвоение благодатного дара искупления и обожения. Здесь неуместна мысль о каких-либо заслугах человека (должных или сверхдолжных), которыми он по праву приобретает этот благодатный дар, ибо он несоизмерим ни с какими заслугами и является благодатным (*gratiagratiasdata*). Идея эквивалентности благодатного дара и человеческого подвига просто неуместна и недоразуменна. Подвиг (добрые дела) есть не заслуга (ибо благодатного спасения человеческими делами никто не заслуживает и заслужить не может), но личное участие человека в осуществлении своего спасения, которое вообще не имеет меры, ибо сила обожения бесконечна, как вечность. Поэтому и мысль о должных и сверхдолжных делах столь же ошибочна, как и мысль о том, что человеку не принадлежит никакого собственного участия в усвоении, в осуществлении для себя спасения, на том основании, что оно уже соделано за нас Богом, и его достаточно только опознать актом веры. Впрочем, если освободить эту протестантскую мысль от ее полемической стороны, вызываемой полемикой с католической арифметикой заслуг, то она может быть понята в том более глубоком смысле, что вера есть не единовременный акт, но длительное и непрестанно утверждаемое состояние, и для этого своего утверждения вера должна быть и действенной, т.е. включать в себя и добрые дела. В таком истолковании, протестантская идея о спасении действенной верой стоит ближе к Православию, нежели католическое учение о *meritum*, находящемся, в известной степени, в эквивалентном и даже сверхэквивалентном отношении к спасению, поскольку в ней радикально отрицается именно всякая эквивалентность. Но она становится односторонней, поскольку в ней устанавливается безразличие в соделывании спасения или образе его, что связано, конечно, с радикальным отрицанием свободы в падшем человеке, вследствие рабства греху и коренной испорченности человеческой природы. При таком понимании, в протестантизме всякий человек может быть прощен и оправдан только по вере, ибо надругое он и не способен, и вера есть лишь узрение своего спасения. Но человек сохранил остатки первоначальной свободы, и не может ее потерять, не теряя образа Божия и духовности своего существа, а следовательно, он призван и сам соиздать в себе свое спасение. При этом могут различаться его индивидуальные образы, пути и степени, одним словом, личное соучастие человека в своем спасении. Человек не становится от этого своим собственным со-искупителем или со-спасителем вместе с Спасителем; но он совершает свою долю участия в своем

личном усвоении спасения, лично спасается и лично содевает дело своего спасения в течение своей жизни. И в отношении к этому личному спасению подвиг - "дела" могут быть называемы заслугой, а достигаемое спасение - мздой, воздаянием, наградой; в указанном относительном смысле, следовательно, можно сказать, что человек заслуживает для себя свою долю участия в вечном блаженстве. Но это ничего общего не имеет с фарисейским, юридическим самоспасением добрыми делами. Вообще в православном понимании спасения совершенно отстывает тот правовой критерий, который занимает первенствующее место как в католичестве (учение о *satisfactio*), так и в протестантизме (*justificatio forensis*). Не умаляя справедливости и правды Божией, которая должна иметь удовлетворение, православие ставит в центре учения о спасении любовь Божию, не пощадившую Сына Божия ради спасения мира чрез его обожение. Боговоплощение, которое совершается непосредственно для искупления падшего человека и его примирения с Богом, в православии воспринимается, прежде всего, в своем общем и самостоятельном смысле, - обожения человека, сообщения ему божественной жизни. Так как человек пал, то боговоплощение становится, прежде всего, путем примирения человека с Богом, искуплением, которое имеет последствием спасение в смысле его обожения (*θεώσις*). Искупление есть вольная жертва Христа, взявшего на себя грех человека, естество которого Он на Себя воспринял. Эта жертва приносится всей жизнью Его, исполненной горестей и страданий, и крестной смертью Его. В Гефсиманском борении она вольно приемлется, как чаша страданий, подаваемая Ему Отцом, Голгофская жертва есть умилоствление и воздаяние Правде Божией. Она есть тайна искупления предстательством Одного за все человечество. Иногда эта мысль и в православном богословии выражается в терминах Ансельма Кентерберийского, как удовлетворение (*satisfactio*). Однако мысль о Правде Божией здесь неизменно сочетается с мыслью о Любви Божией к человеку, милующей и спасающей. Искупление чрез боговоплощение есть не только освобождение человека от греха заслугами и крестной жертвой Спасителя, оно есть и новое окончательное сотворение человека, как бога по благодати, уже не только всемогуществом Божиим, как первое творение, но жертвенной любовью Его. Мир с человеком в центре его был создан в его природе творческим словом Божиим, но он создается и слагается в его свободе жертвенным вочеловечением самого Бога, Слова Божия, чрез Которое все произошло. Христос во святом и безгреховном человечестве Своим освятил и обожил всякое человеческое естество.

Но это спасение человека, которое совершено было Новым Адамом, Христом, для всего человечества свободным подвигом, свободно же усваивается и каждым отдельным человеком. Оно не может быть достигнуто своими силами, однако его свободе оставляется его приятие или же неприятие, усвоение спасения чрез возрождение в себе подобия Божия. Именно этот смысл и имеет подвиг веры, осуществляемый и в подвиге жизни, в делах. Своими человеческими силами человек не мог бы примириться с Богом, восстать от своего падения. И для человека уже вполне недоступно обожение, которое может совершиться для него лишь божественным снисхождением. Объективную сторону, основание спасения для человека совершает Бог, но субъективную сторону, усвоение спасения совершает сам человек. Поэтому для человека недостаточно пассивного уверования в свою спасенность, которое оставляет его в сознании своего личного греховного бессилия и дает ему лишь уверенность в своем оправдании на суде Божиим, *in actio forensi*, чрез применение некоей амнистии. И человек не может также своими усилиями (верой и

делами) заслужить для себя спасение, которое подается ему даром любви Божией, или этот дар для себя умножить на основании принадлежащего ему права, но он может и должен этот безмерный дар обожения себе усвоить в меру своего свободного усилия, сотворяя в себе подобие Божие на едином основании, которое есть Христос.

РОЖДЕСТВО ТВОЕ

Рождество Твое, Христе Боже наш,
возсия мирови свет разума,
в нем бо звездам служащи
звездою учасуся Тебе кланяться,
Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока.
Господи, слава Тебе!

(Тропарь Рождества Христова)

**ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!**

Заканчивается рождественский пост. И все желающие (и постившиеся, и не постившиеся) могут стать участниками величайшего события в истории человечества. Я говорю не только об участии в праздничном богослужении. Хотя и это уже не мало. Я имею ввиду личное, действенное приятие этого события в своей жизни.

В Рождестве Христовом Бог являет миру свою безграничную и безусловную любовь к каждому конкретному человеку. Ведь, если мы помним, Христос родился для того, чтобы быть распятым. Христос никому не навязывается, всегда первым выходя навстречу нам, он смиренно ждет отклика, встречного шага, просьбы о помощи.

Так сложилось, что мы привыкли жить и поступать как проще, как нам выгодно и если и заботиться, то только о себе или о своих. Да и эта последняя черта «клановой верности» понемногу становится атавизмом. Все чаще матери оставляют своих новорожденных детей в домах малютки (также ужасает огромное количество абортированных младенцев), все чаще взрослые дети не проявляют должной опеки и ухода за своими престарелыми родителями. И сами внутрисемейные взаимоотношения очень часто бывают отравлены взаимными упреками, недопониманием, подспудными конфликтами и открытой враждой. Ни для кого не нова, уже ставшая избитой, поговорка: «чем ближе родственники, тем дальше они должны жить». А ведь это диагноз нашего времени, развивая и совершенствуя средства коммуникации, мы все больше и больше отдаляемся друг от друга, замыкаемся в затхлом мире своих страстных привычек. И своими силами нам эту болезнь не преодолеть.

В похожий мир, вот уже более 2-х тысяч лет назад, пришел Спаситель. Творец всяческих настолько уничтожается, но и настолько любит свое падшее творение, в своем греховном ослеплении отвернувшееся от Него, что нисколько не колеблясь входит в Свой тварный мир, принимая на Себя, Собою же созданную природу человека. Отныне Он во всем, кроме греха, подобен нам! Как это могло случиться? Каким образом?

**Дева днесь Пресушестввенного рождает,
И земля вертеп Неприступному приносит;
Ангели с пастырьми славословят,
Волсви же со звездю путешествуют;
Нас бо ради родился
Отроча младо - Превечный Бог.**

(Кондак Рождества Христова)

Часто приходится слышать возражения, что вот мол Христос и родился, и распялся, и воскрес, а зло в мире как было, так и остается. На это Церковь Христова может представить огромнейший сонм своих святых от первых дней Церкви и до сегодняшнего дня: преподобных, мучеников, безсребренников, благочестивых жен и благоговейных мужей, которые победили зло в сердце своем и обрели мир и Царствие Небесное. Как Рождение Христа прошло тихо и незаметно, в убогих яслях

вместился Содержащий вся, так и победа над злом, вот уже более 2-х тысяч лет, совершается и будет, с помощью Божией, совершаться на главнейшем поле боя – в наших сердцах и умах.

Поздравляю всех Вас с дивным праздником Рождества Христова! Божией помощи Вам во всех ваших благих начинаниях! И пусть Звезда Вифлиема не меркнет в Ваших сердцах и ведет Вас ко благу сквозь бури и ненастья житейского моря!

В этом году накануне Рождества, 6 января, в храмах будет служить редкое и торжественное богослужение – Царские Часы. Названные так, потому что под Великие праздники в Византии на них при присутствовал император. В нашем храме св. прав. Иоанна Кормянского служба Царских Часов начнется в 7 часов утра. На них будут прочитаны отрывки из Ветхого Завета, а так же из Апостола и Евангелия, посвященные празднику. После службы Часов будет совершена Вечерня с Литургией свят. Василия Великого. Можно будет исповедоваться и причаститься. По окончании Литургии на середину храма выносятся празднично украшенная свеча и священники поют перед коной праздника тропарь Рождеству Христову.

День 6 января – Навечерие Рождества Христова, или Рождественский сочельник. Это день строгого поста. А само название «сочельник» скорее всего произошло от слова «сочиво» - постная сладкая особым способом приготовленная пшеничная каша, которую по традиции едят вернувшись домой со службы.

Кстати, обычай не есть в сочельник до первой звезды дело сугубо личное, лучше всего обсудить это со своим священником. Кто-то действительно считает, что вкушать пищу стоит только с появлением звезды на небосклоне, а кто-то говорит о том, что та самая украшенная свеча, которую выносят после Литургии на середину храма, и символизирует собой Вифлеемскую Звезду. Лично я склоняюсь ко второму мнению, но главное, чтобы все было разумно и по силам.

Период от 7 января до 17 января (до Крещенского Сочельника) носит название Святых дней или Святки. Это период для радостных поздравлений своих близких и знакомых (а вовсе не для языческих гаданий и ворожбы).

В нашем храме 6 января вечером в 17-00 будет совершено всенощное бдение, а ночью в 23-45 и утром 7 января в 8-00 Божественные литургии.

Приглашаем и ждем всех желающих.

С наступающим Рождеством Христовым и Святками!!!

Рекомендую посмотреть замечательный мультфильм Михаила Алдашина «Рождество» (его можно легко найти в сети). Он будет интересен и взрослым и детям.

Вот несколько кадров из него:

